

Концепт «фатум» в эпопее А.И. Солженицына «Красное Колесо»

© Н.М. ШЕДРИНА,
доктор филологических наук

В статье рассматривается роль концепта «фатум» в картине мира «Красного Колеса» А. Солженицына на примере характеров и поступков исторических лиц: Императора Николая II, генерала Самсонова и главы правительства Столыпина.

Ключевые слова: А. Солженицын, фатум, судьба, рок, свобода, катастрофа.

In this article the role of the concept of destiny in the world view of A. Solzhenitsyn's «The Red Wheel» is analyzed. The characters and actions of historical characters, such as: Emperor Nicholas II, general Samsonov and Prime Minister Stolypin, are considered as an example.

Key words: A. Solzhenitsyn, destiny, fate, freedom, catastrophe.

«Красное Колесо» (1937, 1969–1990) А. Солженицына – величайшее творение XX века, к которому современные исследователи только ищут адекватные самому произведению подходы. Оно имеет эпическую структуру, построенную по принципу мотивного и лейтмотивного повествования, которое можно рассматривать как «образ мира», как область когнитивного исследования. Для его постижения необходим инструментарий не только филологической науки, но и психологии, философии, истории.

«Фатум» как слово в тексте «Красного Колеса» не употребляется, но в историософии А. Солженицына «фатум»-концепт играет большую роль. Д. С. Лихачев, характеризуя концепт, считал, что «у каждого человека есть свой круг ассоциаций, связанных с оттенками значения того или иного слова, которые реализуются в потенциальных возможностях

концепта» [1]. Писатель такого масштаба, как Солженицын, через авторское видение постигает глубинный смысл концепта «фатум», интерпретируя и раскрывая его на судьбах героев, соотнося с понятиями, максимально приближенными к кругу концепта «фатум»: участь, доля, судьба, несчастье; роковой, неизбежный, неотвратимый.

П. Флоренский указывает на происхождение слова «*Fatum*» в латинском языке от корня «*fa*», обозначающего «говорить», следовательно, это нечто изреченное. Религиозный мыслитель ведет происхождение слова «рок» от глагола «реши»; по его мнению, «рок — это изречение» [2]. Философ обращает внимание на присутствие в этом слове «особого божественного», одаряющего, но и разрушительного понятий: «*Fata* — божество смерти» [3].

Солженицыну близка такая трактовка, но он как писатель рассматривает «*fatum*» не только как участь отдельного человека, но и целых народов. Свою концепцию он разрабатывает в «Архипелаге ГУЛАГе», «Раковом корпусе» и в романе «В круге первом». Самый развернутый смысл «фатум» приобретает в судьбах исторических личностей, окрашенных в фаталистические тона. В «Красном Колесе» они наделены зачастую способностью управлять ситуацией, но в то же время в них заложена всеохватывающая непреложная предопределенность.

В основе «фатализма» А. Солженицына лежит глубинное онтологическое противоречие, вытекающее из неразрешимой антиномичности двух видений: открытости истории делаемой и необратимости истории свершившейся.

Обратимся к примерам. «Красное Колесо» начинается с глубочайшей трагедии, разыгрывающейся в «Августе Четырнадцатого», — катастрофическом поражении русской армии при Танненберге и ретроспективном повествовании об убийстве премьер-министра Столыпина тремя годами раньше. По мысли Солженицына, эти два события подтолкнули Россию к обвалу семнадцатого года.

Личность генерала Самсонова в первом «узле» своей трагедией как бы «закрывает» все пространство войны. Судьба армии становится его судьбой. А писатель через концепт «фатум» дает читателю почувствовать, что пережил человек, волею судьбы ставший главным «героем» исторической катастрофы.

Обращаясь к внутреннему миру Самсонова, Солженицын ставит перед собой задачу выявить причины, побудившие доблестного генерала к самоубийству, логически проследить последовательность мыслей, приведших его к безвыходности.

И хотя писателя обвиняли в субъективности изображения самсоновской операции [4], полагая, что это выгодно Германии, а не России, все-таки надо отдать должное мужеству Солженицына, так емко раскрытому перед читателем эту личность. Единство, слитность

Самсонова с армией и народом определяется, по мысли автора, «вечной неготовностью» государства к войне: мирные люди избегают ее, государственные мужи интригански втягивают страну в катастрофу. Это трагедия едва ли не всей мировой истории и едва ли не каждой личности.

Неотвратимость катастрофы усиливается поражением армии. Генерал видит и знает, как спасти положение, но связан по рукам и ногам теми, кто находится над ним. «Самсонов ощущал, что делает не так. Верней – чего-то нужного не делает, а не мог схватить – чего, не мог прорваться через пелену» [5. Т. 7. С. 277], – передает его внутреннее состояние автор.

Офицер Георгий Воротынцев, приехавший на позиции Второй армии из штаба, замечает на лице генерала «отродную обреченность»: «это был агнец семипудовый! Поглядывая чуть выше, чуть выше себя, он так и ждал себе сверху большей дубины в свой выкаченный подставленный лоб. Всю жизнь, может быть, ждал, ждал, сам не зная, а в сии минуты уже был вполне представлен» [Там же. С. 389]. Самсонов избирает для себя жертвенный путь «искупительного идола».

Осознавая тупиковую ситуацию, в которой оказалась армия, Самсонов решает добровольно уйти из жизни. По мнению писателя, вся добрая старая Русь гибнет вместе с ним. Перед самоубийством, раскрытом Солженицыным с психологической глубиной, Самсонов вспоминает «куропаткинские колебания» во время русско-японской войны, «diehochteZeit» Наполеона в горящей Москве и августовские «соборные службы» в Новочеркасске, где он особо ощутил свою «слитность с Войском Донским». А затем следует молитва и сон Самсонова на Успенский день, прощание с армией под Орлау, скитание его по Грюнфлисскому лесу (снятие погон и орденов как сакральное действие, он как «золотой идол», «искупительный идол», затем «жернов неугасимый»).

Перед выстрелом он молится на единственную малую звездочку, свещающую ему в тумане: «Господи! Если можешь, – прости меня и прими меня. Ты видишь: ничего я не мог иначе, и ничего не могу» [Там же. С. 419. Курсив здесь и далее наш. – *Н.Ш.*]. Так и старая Россия утратила связь с ходом небесных святил, и мерцает ей, может быть, какая-нибудь одна неизвестная забытая звезда.

Концепт «фатум» дробится на множество составляющих: бесплодность усилий, тяжесть ответственности, невыносимость бремени истории, неизбежность, единственность именно такого земного конца.

Отречение от жизни Самсонова и отречение от престола Николая II – узловые точки эпопеи «Красное Колесо». В личности Государя Солженицын соединил его предназначение с концептом «фатума». Фатум положен автором в основу ретроспективной 74-й главы, в которой уже предречено будущее императора: женитьба на внучке английской королевы Виктории, Алисе Гессенской, принесшей наследственное

заболевание гемофилию. Введенные в текст главы документы, письма, дневниковые записи способствуют формированию облика Николая II. Он изображен верующим, добрым человеком, прекрасным семьянином. Его характер привлекателен даже слабостью. Но автор суров к своему герою, он хочет видеть Государя сильным, он ждет от него «движений властных и беспрекословных», а они «не рождались». Фаталистические настроения не покидают его: «От самого первого дня короны он *застигнут состоянием* недоумения и так и *плыл в нем*» [Т. 8. С. 330].

Но нерешительность Государя проистекала не только от безволия, но и от тревоги за Россию. Писатель заостряет внимание на том, что главная черта христианского мировоззрения Николая II – твердая вера в то, что все предопределено в мире Богом. С этой мыслью Николай Романов пришел к власти, записав в дневнике 21 декабря 1890 года: «Все в воле Божьей, уповая на его милосердие, я спокойно и покорно смотрю в будущее». Отрекшись от трона, он скажет: «Значит такова воля Божья». Пройдя через нравственную боль, мучительный стыд, внезапный арест, предательство, Государь ощутит свое «бессильное, безвластное положение».

Характеризуя поведение Николая II, утратившего радость жизни, анализируя отношение к нему окружающих как во время прощания с офицерами и солдатами Ставки, так и во время отречения, Солженицын несколько раз употребит слово «покойник». «Что была ему эта вся власть? – думает Государь, – разве когда-нибудь она служила ему источником радости? Всегда только в тягость.< ...> В том и был весь смысл его отречения, чтобы поскорей наступил *покой* в русских сердцах и по лику Руси. Если бы покой не воцарился – то, значит, он отрекся зря < ...> Что он отдал власть в государстве – уже нисколько не шемило его. Главное – он не примирился ни с чем, чему противится совесть.

Ничтожны мы все перед Богом – и бессильны перед мировыми событиями» [Т. 13. С. 548–549]. И Россия становится для Государя пустым пространством, парализующим его.

Концепт «фатум» восходит в этой ситуации к кенозису [6], к отказу от своих привилегий и возврату к первоначальной человеческой сущности. Отрешившись от своего долга Государя, отрешившись во имя спасения близких, за мгновение до смерти Николай узнает, что семья погибнет вместе с ним. Отречение его от власти для автора романа уже не является роковой случайностью: оно выросло из долгой череды обстоятельств.

Исторические герои «Красного Колеса» Самсонов, Николай II и Столыпин объединены концептом «фатума». Биографическое время [7] главы правительства охватывает все пространство романа значительностью преобразовательных идей. Концептосфера способствует их раскрытию.

В «Августе Четырнадцатого» личности Столыпина посвящена специальная биографическая 65-я глава. В ней последовательно, шаг за шагом,

начиная с рождения и кончая убийством, дана эволюция взглядов будущего государственного деятеля, его борьба с Думой за осуществление реформ, особенно земельной.

Впервые после отмены крепостного права Столыпиным принимались меры в пользу крестьянского землепользования. Он получил царскую подпись на указе о гражданском равноправии крестьян 5 октября 1906 года, по мнению Солженицына, «самом полном, связном стройном плане переукладки России, когда-либо высказанном в нашей стране» [Т. 8. С. 171].

В «Красном Колесе» писатель раскрыл борьбу Столыпина за осуществление реформ и те препятствия, которые вставали на пути. В романе использованы фрагменты его речи, произнесенной в третьей Думе в ноябре 1907 года, в которой прозвучали призывы: «Земля – это Россия!» [Там же. С. 190], «поднять крестьянскую Россию»; силу для реформ надо «черпать в развитии земщины и ... самоуправления ... на низах крепких людей земли» [Там же. С. 183. Курсив автора]. Естественно, что такой смелый поворот не мог не встретить сопротивления. Солженицын приводит выступление недовольных кадетов: Родичева, Пуришкевича, Маклакова и других, характеризует реакцию высших «сфер», «двора», к которым Столыпин не принадлежал, потому что «служил – России, а не петербургскому озеру влияний» [Там же. С. 193].

Думцы подталкивали его к отставке. Он на нее не пошел, а поставил перед Николаем II вопрос о подписании закона о земле в трехдневный период роспуска Думы, что было нарушением конституции. В то же время ее 87-я статья позволяла Государю в отсутствие законодательных учреждений принять закон о земстве. Это и было предпринято 11 марта. Но Столыпин недооценил Думу. В романе воссоздана трагическая для него ситуация, когда подписанный царем закон не был утвержден. Повествователь сочувствует поражению героя: «Не всякому даже в жизни раз достается такой день публичного позорища, медленной казни <...> Со всех сторон череда несдерживаемых оскорблений – и вдруг пошатывается наша, никогда не шатавшаяся уверенность. Удар за ударом, попадая в нас, размягчают нашу стойкость <...> Не то что не стоило класть голову за этот закон, но может быть ты и раньше – видел не так?» [Там же. С. 214].

Голосование по земельной реформе, по детищу Столыпина, было отрицательным. Отвергнутый Думой, Государем, который после голосования «овраждебнел» к нему, он продолжал бороться за новую обширную программу, подготовленную в мае 1911 года. Она касалась всех сфер русской жизни, в том числе и внешней политики. «Линия Столыпина стала кристаллизующим стержнем» [Там же. С. 199], – итожит писатель и сравнивает начатое дело с реформами Петра I.

Концепт «фатум», связанный с образом Столыпина, в отличие от Самсонова и Николая II, созидательный, связанный с активностью реформаторской мысли, поиском истины, ценностной шкалы, где роль человека рассматривается в ее единственности и неповторимости. Но и его гибель была предрешена. Над Столыпиным нависал рок: выстрел убийцы Богрова оборвал его жизнь.

Концепт «фатум» в «Красном Колесе» Солженицына приобретает характер всеобщности. Автор раскрывает судьбы исторических лиц, а мысли его о России, ее фатуме, «русском фатуме».

Литература

1. *Лихачев Д. С.* Концептосфера русского языка // Русская словесность. М., 1997. С. 281.
2. *Флоренский П. А.* У водоразделов мысли. Соч. М., 1990. Т. 2. Ч. 1. С. 447.
3. *Флоренский П. А.* Столп и утверждение истины. Соч. М., 1999. Т. 7. Ч. 2. С. 490.
4. «Август Четырнадцатого» читают на родине. Paris, 1973. С. 46.
5. *Солженицын А. И.* Собр. соч. В 30 т. М., 2006–2009. Далее указ. только том и стр.
6. *Клеофастова Т. В.* Художественный космос эпопеи Александра Солженицына «Красное Колесо». Киев, 1999. С. 91.
7. *Щедрина Н. М.* Функции хронотопа в романе А. Солженицына «Красное Колесо» // Поэтика русской прозы XX века: Межвузовский научн. сб-к. Башкирский университет. Уфа, 1995. С. 92.

Московский государственный областной университет